

ДАРИТЕЛЬ МУЗЫКИ

Россия. — 2003. — 24 окт. — с. 12

Ян Смирницкий

В Большом зале консерватории «Солисты Москвы» Юрия Башмета были награждены долгими овациями.

Ну почему, глядя на Башмета, хочется говорить о маме, об отце, что за награждение? И всякий раз это. А? Невозможно усидеть на концерте его, на его «Солистах Москвы». Что зритель знает о дирижере? Спи-на. Такая довлеющая, монументальная спина, которую мы уважаем, которая ведет нас в торжество. А у Башмета нет спины. На сцене — мама, кто-то родной на сцене, и... как-то не по себе становится. Иной дирижер выйдет, выдержит минутную паузу, вслушиваясь спиной в зал, пока все ширк-ширки улягутся. Слегка поднимет руки: готовность для музыкантов... А Юрий Абрамович так запросто, едва довершив поклон, тут же с пол-оборота запускает оркестр, словно опаздывает на самолет.

Да не опаздывает он. И на последнем концерте в консерватории Башмет свыше программы исполнил аж пять бисов, один из которых — «Андакте кантабиле» из квартета Чайковского. Его щедрость стала легендарной, он не исполнител, но даритель музыки. Всем. Хотя ряду в шестом на его вечере сидел один человек, ради которого и двадцать бисов можно исполнить, не устав: большой композитор Гия Канчели, однажды посвятив-

● Башмет знает, как запустить оркестр с пол-оборота

Фото Александр Потанов

ший Башмету свою симфоническую пьесу «Стикс», помните, в финале которой солирующий альт минуты две беззвучно водит смычком по струнам?

Они как сговорились доверять Башмету свое впечатление вечности. «Они» — потому что в программе была «Камерная музыка для альта, клавесина (солировал Михаил Мунтян) и струнных» Эдисона Денисова, произведение 1982 года. Тоже написанное в честь Башмета. Завершается «Музыка» не менее волшебно и страшно, чем «Стикс»: контрабасы долго держат объем при едва слышном полете альта. Сложную консерваторскую публику разнесло овациями. Да разве мог

представить такое Эдисон Васильевич в последние годы не жизни, но пребывания в Советском Союзе?

Музыка, как фотография в ванночке, проявляется долго. Что-то возникнет сразу, что-то наутро, что-то через много лет... Как иные интонации в голосе родителей, услышанные тобою ребенком, проявятся в последний день, красивый день.

И если такие, как Канчели, Денисов или Шнитке, предлагают вкус этого дня разделить с Башметом — этим задирой, легким, как ветер, так небрежно, пройдошно, совсем без «веса мастера» уводящим консерваторию к самым высотам музыки, — слушателю остается толь-

ко верить. Не за Башметом идти. А вместе с ним. Вместе с его интерпретацией бетховенско-малеровского Quartetto serioso фа-минор, с его шубертовско-кисинской Симфонией для струнных соль-мажор. Только через его оркестр возможна эта пропаганда интеллектуализма от классики, потому что сыграют, как споют, одним импульсом. Точно, адресно, летуче... Они даже играют стоя, за исключением виолончелей, на которых стоя играть и неудобно, и неэстетично. И почему-то на его концертах публика не хлопает между частями, не сопит, не кряхтит, мечтая, когда же это все закончится.

Башмета всегда мало.